

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Свиста взвояет

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар Луи Армстронг – огромнейший хроноп

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155992

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). В настоящем издании представлены наиболее характерные для автора рассказы, написанные в разные годы.

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Эллой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар Луи Армстронг – огромнейший хроноп О концерте Луи Армстронга в Париже 9 ноября 1952 года

Прошло почти пятнадцать лет с той поры, когда этот текст был опубликован впервые, но, думаю, это не будет столь ощутимо: о джазе я

всегда говорил и говорю с одинаковым волнением в голосе.

Луи Армстронг – самый первый хроноп в истории хронопов ¹. Я написал эти страницы в 1952 году, опубликовав их затем в эюурнале «Литературный Буэнос-Айрес» благодаря моим друзьям – Даниэлю Девото ² и Альберто Саласу ³. Спустя время из книги

¹ Хулио Кортасар начал работать над книгой, которую впоследствии назовет «История хронопов и фамов» в 1951 году, много лет спустя он в беседе с друзьями сказал: «Однажды на концерте в театре „Елисейские поля“ я вдруг понял, что в жизни существуют такие персонажи, которые должны называться хронопами».

² Даниэль Девото (род. в 1916 г.) – аргентинский писатель и музыковед.

⁴ в жизнь войти целые толпы хронопов и теперь они вполне приметны в кафе, на международных встречах поэтов, в гуле социалистических революций и в прочих сомнительных местах. Думается, стоит вновь напечатать этот текст, который в отличие от других – достоверная история из жизни хронопов, к той же он и сейчас меня очень трогает, впрочем, известно, что Нарцисс и все такое...

Похоже, что Господь Бог вдунул свое дыхание в первого человека, чтобы дать ему жизнь и дух, через ту своевольную птичку, о которой мы вполне наслышаны. Окажись на ее месте Луи Армстронг, человек получился бы несравненно лучше. Хронологический порядок, история и прочие надуманные сцепки – сплошное зло. Начнись наш мир с Пикассо вместо того, чтобы им завершиться, в нем *бы* все было обустроено для хронопов, они бы на всех углах отплясывали «веселку» и, взявшись за руки, танцевали бы «каталу». А Луи, забравшись на городской фонарь, дул бы в свою трубу несколько часов кряду, и с небосвода слетали бы огромные куски звезд из засахаренных фруктов на радость детям и собакам.

Вот что лезет на ум, когда ты уже втиснулся в партер театра «Елисейские поля» и с минуты на минуту должен по-

³ Альберто Салас – аргентинский прозаик и эссеист.

⁴ Имеется в виду сборник «История хронопов и фамов», изданный впервые в 1962 г. в Буэнос-Айресе, в издательстве «Минотаур».

явиться Луи, который лишь сегодня, словно ангел, слетел в Париж, я хочу сказать – прибыл самолетом «Эр Франс». И легко вообразить, что там делалось в самолете, где полным-полно фамов при портфелях, набитых документами и счетами, а в центре всего – великолепный Луи, который, заливаясь смехом, тычет пальцем в иллюминатор, а фамы, те, конечно, опасаются смотреть на землю с такой высоты, потому что их тошнит, бедных. Но Армстронгу хоть бы что, он преспокойно уплетает хот-дог, который ему принесла стюардесса, и попробуй не принеси, он бы не оставил ее в покое, пока она сама не приготовит этот несчастный хот-дог. И вот Луи над Парижем, а внизу целая толпа журналистов, и у меня – отдельное им спасибо! – свежий номер «Франс-Суар» с его фотографией: Луи в окружении белолицых людей, отчего он явно выигрывает, потому что, скажу честно, среди всей этой журналистской братии лишь у него по-настоящему человеческое лицо.

А теперь, поглядим, что делается в театре... Так вот, на сцене этого самого театра, где однажды грандиозному хронопу Нижинскому открылось, что и в воздухе есть незримые качели и незримые лестницы, уносящие к радости, прямо сейчас должен появиться Луи Армстронг – и начнется светопреставление. Луи, само собой, знать не знает, что там, где он упер в пол свои огромные желтые ботинки, однажды опустился на пуанты Нижинский, но именно в этом и заключается одно из главных достоинств хронопов – им, собствен-

но, нет дела до того, когда и где что-то случилось или что вон тот сеньор в ложе – принц Уэльский, ни больше, ни меньше. А Нижинского вряд ли бы как-то взволновало, узнай он, что Армстронг будет солировать на трубе в его любимом театре. Зато фамам и надейкам все это невероятно важно: они собирают газетные вырезки, складывают их в хронологическом порядке, выверяют даты, и хранят эти сокровища в сафьяновых переплетах. Ну а театр, он буквально заполонен хронопами, они забили весь партер, чуть не облепили все люстры, и мало того: додумались влезть на сцену и разлечься на полу, словом, заняли все мыслимые и немыслимые пространства, не обращая никакого внимания на разъяренных капельдинерш, а ведь еще вчера слушать концерт для флейты и арфы к ним пришла такая культурная публика, одно удовольствие; и добро бы хронопы щедры на чаевые, ничего подобного, так и норовят куда-нибудь пролезть, и плевать хотят на капельдинерш. А они по преимуществу надейки, и оттого совершенно потерялись от такой наглости: то зажгут, надо не надо, свои фонарики, то погасят со вздохом, у надеек это знак великой печали. Вдобавок хронопы эти принимают свистеть и орать во все горло, вызывая на сцену Луи Армстронга, а тот, помирая со смеху, все медлит забавы ради. Театр уже раскачивается, точно огромный гриб на тонкой ножке, взбудораженные хронопы вопят, требуют выхода Луи, в воздухе откуда ни возьмись полным полно бумажных самолетиков, тыкаются то в глаза, то в затылки фамов и на-

деек, а те негодуют, ерзают, морщатся. Но попади такой самолетик в хронопа, тот подскакивает с места как ужаленный и в ярости пускает его назад, – одним словом, в театре «Елисейские поля» творится черт-те что.

Наконец на сцену выходит какой-то господин и приближается к микрофону, явно намереваясь произнести вступительное слово, но поскольку публика ждет не дождется Луи, а этот тип ей вовсе ни к чему, хронопы приходят в неистовство, орут истошно, заглушая его голос, и лишь видно, как тот открывает и закрывает рот, уморительно напоминая рыбу в аквариуме.

А Луи – величайший хроноп – ему, наверно, жаль пропавшей речи, и он вдруг появляется на сцене из маленькой боковой дверцы. Первое, что видишь, – большой белый платок, его платок, парящий в воздухе, и следом – яркое золотое сияние, и это – труба Луи Армстронга, а уже за ней, от темноты крохотного дверного провала отделяется темнота, наполненная светом Луи, который крупно шагает по сцене. И все: конец всему, будто вдруг сорвались с петель книжные полки, в общем, словами не передать.

Позади Луи его ребята, вот они – Трамми Янг ⁵, который играет на тромбоне, словно держит в объятиях голую женщину и она золотисто-медового цвета, а рядом Арвел Шоу ⁶,

⁵ Трамми Янг – американский тромбонист, игравший во многих знаменитых джазовых группах.

⁶ Арвел Шоу (род. в 1923 г.) – американский джазовый контрабасист.

который играет на контрабасе, будто держит в объятиях голую женщину и она цвета густеющего сумрака, и Кози Коул⁷, который нависает над ударной установкой, словно маркиз де Сад над исхлестанными задницами восьми голых баб, и еще двое музыкантов, чьи имена не стоят упоминания, они здесь, наверно, по оплошности импресарию, а может, Луи наткнулся на этих ребят под Пон-Неф⁸ и увидел их голодные лица, да вдобавок одного зовут Наполеоном, а это железный аргумент для Армстронга, такого потрясающего хронопа. Но вот он час Апокалипсиса – Луи уже поднял свой сверкающий золотом меч, и первая фраза «When its sleepy time down South» опускается на людей лаской леопарда, спрятавшего когти. Музыка вылетает из трубы Армстронга, как ленты из уст святых на готических картинках, и в воздухе рисуются горящие золотом письма, а следом за первым посланием вспыхивает «Muscat Ramble», и мы, в партере, судорожно цепляемся за все, во что можно вцепиться под руками у себя и у соседей, отчего зал становится странно похожим на огромное сообщество обезумевших осьминогов, а в центре этого действия – Луи, он стоит, закатив глаза, белеющие за трубой, и девственно белый платок трепещет в затянувшемся прощании с чем-то, чего не понять, будто он, Луи, готов

⁷ Кози Коул, Уильям «Коузи» Коул (1909 – 1981) – известный американский барабанщик.

⁸ Один из самых старых мостов над р. Сенной, под этим мостом часто ночуют бездомные люди.

без конца говорить «прощай» музыке, которую творит сейчас, в этом зале, и которая тут же исчезнет навсегда; будто ему ведомо, какой страшной ценой надо платить за эту немыслимую свободу, его свободу. В каждом хорусе ⁹, когда Луис закручивает немыслимым завитком свою последнюю фразу и чьи-то незримые ножницы молниеносным взмахом разрезают золотую ленту, хронопы на сцене начинают очумело скакать, ничего не видя перед собой, а хронопы в партере исходят восторгом, ну а фамы, пришедшие на концерт просто по ошибке или потому, что положено сходить, или потому, что билеты слишком дорогие, переглядываются с заученно любезным выражением лица, ни черта естественно, не понимая, к тому же голова раскалывается на части, и вообще, им бы сидеть сейчас дома и слушать хорошую музыку, про которую так славно рассказывают по радио, – да просто убраться куда-нибудь подальше от этого театра, что ли.

И замечательно, что пока длится настоящий шквал аплодисментов, обрушивающихся на Луи после каждого его хоруса, он сам спешит выказать, что доволен собой донельзя: смеется во весь огромный белозубый рот, машет платком, похаживая по сцене, и перекидывается веселыми шуточками с музыкантами – словом, он безмерно рад всему и всем. А теперь, воспользовавшись моментом, когда из тромбона, который резко вскинул Трамми Янг, вырывается на волю

⁹ Хорус – раздел импровизационно-строфической формы, характерной для джазовой музыки.

немыслимо сгущенный разряд звука и его осколки то дробно рассыпаются, то взлетая, скатываются вниз, Луи старательно промокает платком потное лицо, и не только лицо, но и шею, и даже, думаю, изнанку глаз, судя по тому, как он безжалостно их трет. И тут постепенно обнаруживаешь маленькие хитрости, которые помогают Луи чувствовать себя на сцене, как дома, и получать от всего полнейшее удовольствие; главное – это небольшое возвышение, откуда Кози Коул, подобный Зевсу, исторгает громы и молнии в каких-то сверхъестественных дозах, так вот, на этом возвышении лежат стопкой не меньше дюжины белых платков, и Армстронг незаметно берет один за другим, потому что платок очень скоро превращается в мокрую тряпку. Пот течет так, что через короткое время Луи чувствует неодолимую жажду, и, уловив тот миг, когда Арвел Шоу вожделенно бросается в рукопашную схватку со своей темнокожей дамой, он берет с возвышения Зевса таинственный красный бокал, узкий и высокий, напоминающий кубок для игральных костей или Святой Грааль, и пьет из него какую-то жидкость, порождая множество самых различных догадок и сомнений у присутствующих в театре хронопов, хотя кое-кто из них готов спорить, что Армстронг пьет обыкновенное молоко, в то время как другие, вскипая негодованием, упорствуют, что в его бокале не может быть ничего иного, кроме бычьей крови или критского вина, что, собственно, одно и то же, хоть и зовется по-разному. Тем временем в руках у Луи, незаметно спрятавшего

стакан, снова свежий белый платок. Теперь он настроен петь, и вот уже поет, а когда Луи поет, весь заданный ход вещей останавливается, и не по какой-либо доступной пониманию причине – просто не может не остановиться, когда поет Луи Армстронг, и теперь из его горла, откуда еще какие-то минуты назад взмывали ввысь золотые гирлянды томящих звуков, вырывается, нарастая, рев влюбленного оленя, мольба антилопы, обращенная к звездам, шепоток красавцев-шмелей в сиесте высоких трав. А я, затерянный под огромными сводами его пения, закрываю глаза, и вместе с голосом сегодняшнего Луи ко мне приходят все его голоса из ушедших времен, его голос со старых, неведь куда пропавших пластинок, его голос, поющий «When your lover has gone», поющий «Confessin», поющий «Thankful», поющий «Dusky Stevedore». И хотя сейчас я не более чем зыбкое, едва ощутимое движение в совершеннейшем пандемониуме театрального зала, который голос Луи подвесил в воздухе огромным хрустальным шаром, мне на мгновение удается вернуться к самому себе, и я вспоминаю тридцатый год, когда познакомился с Армстронгом, впервые услышав его на пластинке, вспоминаю тридцать пятый год, когда сумел купить моего первого Армстронга, «Mahogany Hall Stomp», в записи фирмы Полидор. Я открываю глаза, и вот он здесь, на сцене парижского театра, я снова открываю глаза, и вот он стоит вживе после моей южноамериканской любви к нему длиною в двадцать два года, и поет, поет, смеясь во всю ширь лица

смехом вечного ребенка, Луи – хроноп, Луи – потрясающий хроноп, Луи – несущий радость людям, которые того стоят.

Но вот Луи обнаружил, что в партере сидит Юг Панасье¹⁰, его друг, Луи, конечно, счастлив – еще бы! – и спешит к микрофону, чтобы посвятить ему следующую пьесу, и они с Трамми Янгом начинают острый контрапункт тромбона и трубы, а это – ну, рви на себе рубаху в ключья и швыряй их один за одним или все разом в воздух. Трамми Янг бросается в атаку, точно разъяренный бизон, вот он перебивает, вот отскакивает, снова нападает, еще немного и ты этого не выдержишь, но Луи, он все равно обводит, проникает в любую лазейку, и ты уже слушаешь только его трубу, в который раз убеждаясь, что, когда играет Армстронг, каждая лягушка – в свою лужу, и всё тут! Потом наступает примирение – Трамми и Луи вместе устремляются ввысь, точно два тополя, растущие рядом, и последним взмахом ножа распарывают сверху донизу воздух, а мы сидим не шелохнувшись, в какой-то блаженной одуре. Концерт закончен, Луи, наверно, уже надел свежую рубашку и думает о гамбургере, который ему приготовят в ресторане, о том, как примет душ, но зал все еще заполнен хронопами, погруженными в этот волшебный сон, толпами хронопов, которые медленно, будто против воли двигаются к выходу – и каждый еще пребывает в своем сне, а в самой сердцевине сна у каждого хронопа –

¹⁰ Юг Панасье – французский музыкальный критик, один из ведущих пропагандистов джазовой музыки в Европе.

крошечный Луи, который все играет на трубе и поет.